

✎ ЕЛЕНА СЕМЁНОВА ✎

✎ ИСПЫТАЙНИК ✎

Елена Семенова

Испытайние

«Пробел-2000»

2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Семенова Е. В.

Испытайние / Е. В. Семенова — «Пробел-2000», 2017

ISBN 978-5-98604-586-3

Елена Семёнова родилась в 1975 году в Москве. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (семинары Юрия Кузнецова, Игоря Волгина). Работает в книжном приложении «НГ-Ех libris». Соорганизатор проекта Литературных чтений «Они ушли. Они остались» (2014 – 2016), редактор-составитель изданной по итогам чтений антологии «Уйти. Остаться. Жить» (2016). Стихи, статьи и эссе публиковались в газетах «НГ-Ех libris», «Литературная газета», «Трибуна», журналах «Юность», «Дети Ра», «Зинзивер», в альманахах «Московский год поэзии», «День поэзии», «45 параллель», «Паровоз», «Лиффт», в антологии «Крымские страницы русской поэзии» (2015).

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-586-3

© Семенова Е. В., 2017
© Пробел-2000, 2017

Содержание

От автора	6
О тайне слова на птичьём языке	7
Глава I	10
Девятый вал	10
У Арбата	11
Хранитель	12
Смех в лесу	13
Город	14
Пахнет	15
Утренняя лихорадка	16
Зима	17
На смерть поэта	18
Дон	19
Стеклянные шарики	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Семёнова Испытайние

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации

Произведения печатаются в авторской редакции.

Художник Алексей Колотенков, дизайн обложки Евдокия Слепухина

Испытайние. / Семёнова Е.В. – Москва: Пробел-2000, 2017.

© Семёнова Е.В., текст, 2017

© Вязмитинова Л.Г., предисловие, 2017

© Колотенков А.В., иллюстрации, 2017

© Слепухина Е.С., дизайн обложки, 2017

© «Пробел-2000», 2017

От автора

Дорогой читатель! Эта книга может показаться тебе странной – слишком пёстрой и неровной. Ничего удивительного в этом нет. Стихи, отобранные для неё, написаны мной в разные возрастные периоды, начиная с 10 лет и заканчивая сегодняшним днем. Конечно же, духовные уровни и состояния человека в 10, 15, 35 лет и так далее сильно отличаются. Такой набор я сделала сознательно. Я не отношусь к тем людям, которые сжигают за собой мосты, кидают в костер пачки рукописей с несовершенными, по их мнению, произведениями.

В каждой моей лично выстраданной «эпохе» – а я считаю, что человек проживает в своей жизни множество «эпох» – есть стихи, которые мне не стыдно представить. Во-первых, потому что все они, так или иначе, продиктованы свыше, и в ранних стихах, когда рефлексия по отношению к своему творчеству была минимальна, процент наивного, а значит – неподдельного, настоящего, возможно, даже больше. Во – вторых, потому что все они накрепко связаны с уже упомянутыми «эпохами», каждая из которых дала пищу моей душе.

Но, может быть, ты, читатель, спросишь: зачем я решила сделать эту книгу. Отвечу просто. Если отбросить всё, что доставляет мне удовольствие в жизни, а именно – читать, готовить, заниматься любовью, бродить, фотографировать, делать репортажи и фоторепортажи, кататься на велосипеде, петь, а также по мере сил радовать окружающих своими делами – то в концентрированный остаток выпадет важнейшее для меня занятие – отгадывание смысла существования через творимое слово. Чем, как мне кажется, и занимаются все люди, причастные поэзии. Это и есть – испытание тайной.

О тайне слова на птичьем языке

Редкий автор, перешагнув порог зрелости, решится включить в книгу своих стихов детские и юношеские тексты. Тем более в таком большом количестве, как это сделала Елена Семёнова, давшая читателю возможность проследить этапы своего творчества, начиная с глубокого детства. И если пытаться понять, какую цель она при этом преследовала, то придётся вспомнить, что многие поэты и исследователи поэзии говорят о стихах как о ступенях. То есть, стихи, написанные автором в определённый период жизни, – это построенные им ступени, поднимаясь по которым он проживает этот период жизни и – главное – выходит из него в качественно новый, характеризующийся более зрелым состоянием сознания, более широким и умудрённым взглядом на мир, более развитой и отточенной поэтикой.

Отслеживанием этих ступеней обычно занимаются исследователи чужого, как правило, состоявшегося творчества, при этом они итожат творчество автора, направляя взгляд в прошлое. Здесь же речь идет о первой книге развивающего автора, который, тщательно отследив ступени пройденного им отрезка творческого пути, направляет себя и читателя в будущее – в том направлении, которое задают эти ступени. Создавая эту книгу, Елена Семёнова как бы утаптывается на площадке своего сегодняшнего дня, оценивая и анализируя пройденный ею путь, точнее, высоту, на которую она поднялась по созданным ею ступеням, чтобы с большей осознанностью и уверенностью направить взгляд в будущее – на строительство новых, ведущих вверх ступеней.

Что можно сказать о детских и юношеских стихах? Прежде всего, что для их автора с малых лет самым важным и прекрасным делом было то, что сама Елена Семёнова в авторском предисловии к своей книге стихов называет «отгадыванием смысла существования через творимое слово», или «испытание тайной». Об этом говорит и название книги – «Испытайние». Это название говорит еще и о любви автора книги к тому, что известный теоретик и исследователь авангардных приемов Сергей Бирюков назвал «суммой технологий», разработанных авангардом на протяжении XX века. В сущности, эта «сумма технологий» настолько прочно вошла в ткань современного стихосложения, что в той или иной мере присутствует в текстах практически всех современных авторов, включая тех, кто относится – на взгляд из сегодняшнего дня – к сугубо традиционным. Но у Елены Семёновой обращение в этом приёмам очевидно, более того, это становится очевидным уже при чтении названия книги.

В ее детских и юношеских стихах это проявляется на уровне незатейливых неологизмов типа «мурашечпый» и обращения к форме верлибра, что, строго говоря, к «сумме технологий» не относится. Эти стихи отличает открытость миру, умение создать интересный образ, но основной их корпус находится сугубо в рамках традиционности. Наиболее близок к авангардной эстетике текст «Утренняя лихорадка» – лучший в первой главе, содержащей детские и юношеские стихи. Зато название второй главы говорит само за себя – «Вороблю!», а открывающий эту главу текст с этим названием отсылает непосредственно к Хлебникову:

*О, воробьями щебечущий куст!
Кинь воробыное слово из уст,
Стань воробынственным взводом моим,
Где каждый воин стократ воробым,
И без труда воробысь в тот же миг
В класс, воробьящий лихой чик-чирик.
В пир, воробляющий как во хмелю:
Я этот мир без ума вороблю!*

В этой главе появляются более сложные неологизмы, типа «разветвия» и «крыля» и продолжается работа с формой традиционного стиха, при этом в качестве наиболее удачного можно отметить текст «Цветы водосбора», относящийся к тому же году, что и «Вороблю!».

В последующих главах ощущается напряжённая работа по осмыслению своего места в мире, в кругу людей, жизнь которых связана с «*курвой Москвой*» и жизнью речи и слова, и выработке своей, сугубо индивидуальной поэтики, базирующейся на прививке к традиционному – с точки зрения сегодняшнего восприятия этого термина, – стиху некоторых приёмов из «*суммы технологий*» авангарда. Движущей силой этой работы является ожидание того, что в какой – то момент, говоря словами самой Елены Семёновой, «*вдруг запоем на ином, нерифмованном, птичьем*». Этот эпитет – «птичий» очень характерен для Елены Семёновой, недаром, говоря о любви, она придумала слово «вороблю». Видимо, именно в птичьем гомоне ей слышится нечто такое, что дает ключ к разгадке тайны окружающего мира.

Читая книгу Елены Семёновой, все время отмечаешь неологизмы, буквально рассыпанные по ее текстам и все более сложные по мере продвижения к той площадке, на кот о-рую ее привели стихи-ступени: «людскость», «кошкость», «невычесанность» и другие. Появляются короткие прозаические тексты – та, так называемая малая проза, которая сущ е-ствует на грани стиха и прозы. Среди сугубо традиционных стихов хочется отметить тексты «Бабочка», в котором говорится о жизни души, требуемой ей свободе и порождаемом ею поэтическом слове, и «Поцелуй» – пожалуй, лучший текст книги:

*Поцелуй – это рыба, распластанная по слизистой рта,
По внутренней стороне щёк, вдоль языка – от кончика и
до корня,
При этом под веками колеблется скорбная тень – Пьета?
А на сердце отплясывают копытами норовистые кони.*

*Поцелуй – это сумасшедшего рыбака шаг по неверному льду,
Вёрткий угорь морозного дня, вывернутый наизнанку,
Это пространство выскользывает из-под ног на крутом лету,
И не нащупать тревожной ногой- непослушливую тарзанку.*

*Поцелуй – это склизкие камни на горной гремящей реке,
Это пронзительный скрип, железистый вкус уключин,
Это – трепетная- лань в глухих лугах застывшая в столбняке,
Мир наш подноготный, сквозной, что вовремя не изучен.*

*Это ожиданье – как в детстве шипучки, сладко талой воды,
Это сорванная сосулька – щемящий вкус и шершавость
Пли, как там ещё у Цветаевой – серебряный бубенец во рту,
Это как будто только что было всё, и ничего не осталось.*

2015

Закрывающий книгу текст «Я не поэт, я просто птичий грай...» – фактически манифест творческой личности, поэта, осознающего себя таковым в определенном, сложившемся к настоящему моменту качестве – стоящего на той самой площадке, на которую привели его построенные за годы творческого пути стихи-ступени. И вглядывающегося, вслушивающегося в окружающий его непостижимо таинственным образом устроенный мир, в данном случае – прежде всего, в птичий гомон. И испытывающего радость бытия и от соприкосновения с этим

миром, и от испытания его тайнами, в том числе и преимущественно – путем отражения их в строчках стихов.

Людмила Вязмитинова

Глава I

Юности сладкая кома (1985–2006)

Девятый вал

Папе

Воду крутя и пену бросая,
Вот перед нами вал вырастает.

Да, он последний. Но все потонуло
В мрачном потоке водного гула.

Мир перевёрнут. Все стало вверх дном.
Всё будто скрылось под водным шатром.

Брызги взлетают всё выше и выше —
Но лютый гул вдруг становится тише,

Вниз убегают те бурные воды,
Падают, рушатся мрачные своды,

Тихим становится водный простор
Бурям и ветру наперекор.

1985

У Арбата

В центре города, у Арбата
Мы с тобой целовались когда-то,
И весь мир, расцвечённый огнями,
В этот миг сомкнулся меж нами.

Не смотрели мы в лица зданий,
Обступивших нас тесным кругом,
А устав от душевных скитаний,
Мы смотрели в глаза друг другу.

И для никто во Вселенной
В этот час уже не был нужен:
Ветер в трубах пел незабвенно,
И луна отражалась в лужах.

Золотые метались тени
И тотчас же на нас осыпались.
Я хотела б, чтоб мы все время
У Арбата вот так встречались.

1987

Хранитель

В.Т.

Прячешь сердце краденое?
Я подстерегу.
Я с пустою впадиною
Выжить не смогу.

Вижу – у забора
Ты к земле приник
И повадкой вора
Выдаешь тайник.

Так смешно и грустно —
Накопал песка.
Прячешь безыскусно,
Незачем искать.

Скрипнет тихо дверца —
Я покину сад,
Краденое сердце
Не возьму назад.

Как же это сладко —
Вспоминать, дрожа,
Как его украдкой
Ты в руках держал.

Ты его похитил?
Что ж, не обессудь.
Ты – его хранитель
И при нём ты будь.

Смех в лесу

Лес встряхнулся мокрым псом,
Смутно знакомое эхо
Прокатилось колесом
Позолоченного смеха,

Куст схватился за бока,
Сотрясается без звука,
И несётся в облака
Эта дьявольская мука.

Смех повсюду, смех во мне —
Он в моем струится теле,
И щекочут по спине
Захлебнувшиеся тени.

1996

Город

Ночью выпадет смерть
На вздыхающий город —
Будут крыши болеть
Загнивающим сором.

И впитают сугробы
Наказанье проказы —
Город, взятый на пробу.
Грязной марлей обвязан,

Рыжей слякотью залит,
Грузным небом контужен.
И спасет только память
Угнетённую душу.

И приснится мне ворон —
Весь растрёпан и грязен,
Скажет: верь в этот город,
Труд не будет напрасен,

Поглощаю отбросы,
Как желанную пищу —
Будут светлые росы,
Будет город очищен.

Встань богатая почва
Материнского чрева —
За побеги хлопочем
Восходящего древа.

Ты сумеешь воспеть,
Ты поверить способна:
Ночью выпадет смерть
Та, что жизни подобна.

Пахнет

Пахнет воздух мороженым,
Пахнет палой листвой,
Пахнет тем, что возможно
В сердце вызвать прибой.

Пахнет фразой подслушанной,
В вездесущей толпе.
Пахнет песней не сложенной,
Посвящённой тебе...

Похвалой незаслуженной,
Что в уме я несу,
Пахнет звонким оружием,
И щекочет в носу.

Пахнет саблей и ножами,
Пахнет дикой тропой,
Сталью, мехом и кожами
И ружейной пальбой.

Пахнет болью и порохом,
Ты постой, погоди...
Пахнет горестным вздохом
Из сожжённой груди...

Ах, и в небе разбуженном
Улетает – куда?..
Запах тонкого кружева
И холодного льда...

Утренняя лихорадка

бешено звонящие
летящие
вдребезги разбивающиеся
телефоны и будильники
тянущиеся бесконечно
путающиеся
руки и провода
РУКИ И ПРОВОДА...
бросающийся под ноги
голый...
совершенно голый лёд
безнадёжно поставленный
выразительный
в микрофоне голос
уважаемые пассажиры
при обнаружении
подозрительных предметов...
при обличении
подозрительных лиц
при облачении
ваших тел
при обнажении
ваших душ
просьба обратиться... обратиться...
обратиться...

2005

Зима

Зима была тёплой, а сердце – большим и седым,
И хлопья, как белые птицы, кружились над нами,
И в лужах промозглых, в святилище мутной воды
Похмельное утро солдатскими шло каблуками.

Зима была долгой (так часто бывает с зимой)
И смутно носила в себе ощущение долга,
Какого-то долга, что с лета хранился за мной,
И вот в январе он явился – ни мало, ни много...

Зима была трудной... А что в нашей жизни легко?
(Достаточно вспомнить хотя бы шахтёров в забое)
И вот хлопотливые хлопья кружат над рекой,
Как ком, облепляя собой моё сердце седое...

2005

На смерть поэта

Заостривши края, как лезвия,
Не считаясь с критикой и цензурой,
Безраздельно зияет поэзия
Раздробленной амбразурой.

Застыли края от наледи,
И зыбкою облеплены грязью.
С этой раной выходишь на люди —
Я такому молюсь безобразию.

Потому что из раны-жерла
Ножевой, но жива, неистасканна,
Словно из хрустального фужера
Проливается влага ручья Кастальского.

2005

Дон

В малороссийских садах почернели черешни,
Поезд несётся вперед – к урожаю поспеть
В пыль полустанков и в полдень от зноя созревший,
Степью сухой захлебнуться, исчезнуть, истлеть...

Дон свои воды несёт – чистоглазая птица.
Солнце в зените, слепит меловая гора.
Видно не тело, а сердце сумело родиться
В этом краю, где станицы, поля, хутора...

Каждая клеточка прячется в зрелое лето,
Вновь тарахтит на реке деловитый паром.
Надо с парома нырнуть – кто способен на это?!
Слиться с течением кожей, глазами, нутром,

Выйти на берег лиловым, в мурашечной сыпи,
Броситься в запах речного песка и лозы,
Лодку встречать и в рокочущем вёсельном скрипе
Тянущий, гулкий и донный услышать призыв...

2006

Стеклянные шарики

Я всегда думала: откуда берутся стеклянные шарики —
Прозрачные, нежно-зеленоватые,
С мелкими пузырьками воздуха внутри,
С чуть заметной щербинкой на поверхности?

Может быть, их мастерят на специальной фабрике —
Фабрике детских неформальных игрушек,
Чтобы дети могли катать их и думать при этом,
Что они делают нечто запретное?

Может быть, все эти стеклянные шарики —
Детали какой-то большой и сложной игры?!
Только вот, видел ли кто-нибудь ее
В собранном виде?

А может, они сами по себе вызревают
В чёрствой земле пустырей и свалок,
Постепенно спекаясь из осколков
Бутылочного стекла, омываясь дождями
И обтёсываясь в кирпиче и булыжнике?

А вдруг, они – миниатюрные магические кристаллы,
Которые волшебники раздают детям тайком от взрослых,
Чтобы они могли видеть в них своё будущее и прошлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.